

Сказочно богатая Арктика

26 марта, в преддверии Дня геолога, в Президиуме СО РАН состоялась пресс-конференция академиков Н.Л. Добрецова и А.Э. Конторовича, посвящённая исследованиям Арктики.

Российская Арктика — это полоса вдоль побережья Северного Ледовитого океана от границы с Норвегией до Аляски, т.е. почти половина Арктики — российская территория. «Поэтому наш вопрос Арктики — это не только и не столько международный, сколько российский. Хотя международное сотрудничество, особенно в вопросах научных исследований, здесь значительно лучше, чем соперничество», — заметил академик Н.Л. Добрецов, выступавший в качестве координатора подпрограммы «Комплексные исследования арктического шельфа» Президиума РАН.

Вопросы по Арктике можно условно разбить на три категории: оборонно-стратегические; связанные с освоением нефти и газа в акваториях и прилегающих арктических территориях; связанные с изменением климата, устойчивости вечной мерзлоты, криолитозоны и возможности транспортных путей, в том числе стабильного развития Северного морского пути.

Главный стратегический вопрос в настоящее время касается уточнения внешней границы континентального шельфа (ВГКШ) в Арктике и признания специальной международной комиссией при ООН права экономического влияния России на спорный кусок арктического шельфа, который соответствует подводным хребтам Ломоносова и Менделеева. Это может произойти, если Россия докажет, что эта территория — часть континента и непрерывное продолжение Сибири. В 2003 году Россия уже подавала заявку на то, чтобы признать эту территорию зоной экономического влияния России, но специальная комиссия при ООН её отвергла, посчитав недостаточно обоснованной.

Задача Академии наук — поднять эти обоснования на необходимую высоту, насытить их новым фактическим материалом и представить результаты международной комиссии. Срок подачи новой заявки — 2013 год. Если она во второй раз будет отклонена, то по международному праву очень мало шансов, что еще когда-либо это предложение будет рассматриваться. Ожидается большая конкуренция — подано 245 заявок от государств, заинтересованных расширить 200-мильную зону за счёт таких кусков. И эта конкуренция понятна, потому что ресурсы на суше уже разделены.

Сейчас научно-координационный совет РАН и Роснедра занимаются подготовкой новой заявки России по определению ВГКШ в Арктике. Первое заседание комиссии, состоящей из представителей РАН и Роснедра, состоялось 6 марта. От Сибирского отделения в нее входят ак. Н.Л. Добрецов и чл.-корр. РАН В.А. Верниковский.

Программа подготовки заявки состоит из трёх частей и касается уточнения рельефа дна, создания геофизических профилей и профилей по уточнению рельефа, поскольку граница проходит по кромке перегиба от шельфа к глубоководным равнинам. Часть работ ведут совместно Госкомгидромет и Роснедра. «А наша часть», — сказал Н.Л. Добрецов, — это эволюция Арктики с учётом геологических, палеомагнитных и радиоизотопных датировок пород и доказательств того, что этот кусок плиты, который называется Арктида, существует давно, по крайней мере, с пермского времени, и является неотъемлемой частью континента».

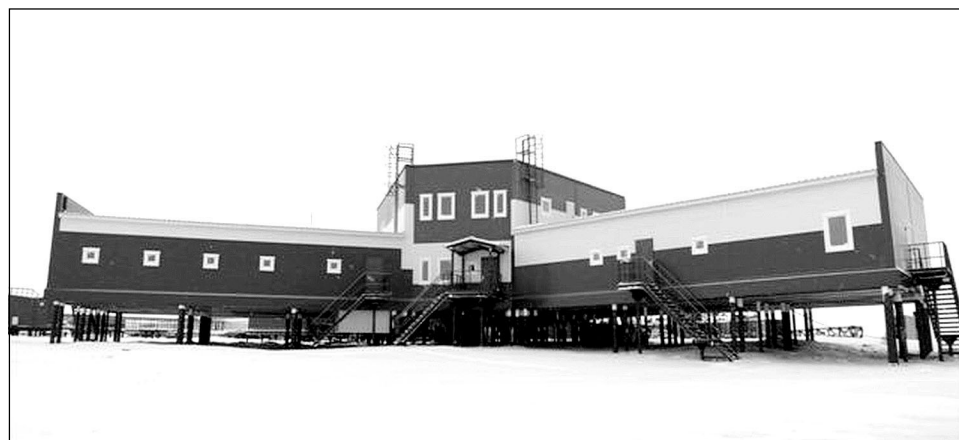
Учёными Сибирского отделения впервые осуществлена сейсмомография Арктики — срез на глубинах 100—220 км, 430—640 км. Сейсмомографический метод, придуманный И.Ю. Кулаковым, завлабом Института нефтегазовой геологии и геофизики, позволяет делать это даже при ограниченном числе сейсмических станций, что раньше считалось невозможным.

В Российской академии наук имеются две программы и две подпрограммы, связанные с комплексным исследованием шельфа, экосистем, газовых гидратов, геологического строения и нефтегазоносности Арктики. Деньги на это из бюджета выделяются, но мало. СО РАН вкладывает ещё и свои средства, но что-

бы реально исследовать Арктику, требуется в десятки раз больше.

Главные препятствия в исследованиях Арктики — это деньги и инфраструктура, которая в значительной мере потеряна. Четверть века назад в восточной части Арктики у нас были действующие порты — Тикси, Певек, Игарка и другие, сегодня они функционируют на 10%. В западной части Арктики порты в значительной мере реставрированы и даже построены заново в связи с освоением Ямала. С точки зрения создания арктических научных станций, лидерами являются норвежцы, канадцы и американцы. По уровню исследований, как и в большинстве областей науки, тон задают американцы. Станции есть на Шпицбергене — норвежские и международные, в Гренландии — датские и международные, на Аляске и Баффиновой Земле — канадские, американские и международные.

После посещения В.В. Путиным Станции Академии наук на острове Самойловский в дельте Лены, где уже несколько лет проводится совместная российско-германская экспедиция, появилась уникальная возможность существенного развития этих исследований. Глава правительства был неприятно поражен, увидев «избушку-на-курьих-ножках», и дал поручение срочно построить современную научную станцию. Она построена за год с небольшим и соответ-

ствует всем условиям работы в Арктике: жилые помещения на 50 человек, научная станция, энергоблок, хранилище для транспортных средств и т.д. Немцы собираются передать нам после официального открытия ещё и паром-катамаран, который может плавать по мелководью в дельте Лены.

В августе состоится открытие станции и передача её Сибирскому отделению. Но в Арктике нужна более крупная сеть опорных станций. У нас есть станция на Шпицбергене, правда, требующая модернизации, есть пограничные станции на Земле Франца-Иосифа, где изредка появляются учёные. Есть предложения о строительстве научных станций на островах Русский и Врангеля, и если они будут поддержаны, то вместе с реконструированной станцией на Шпицбергене, новой станцией на острове Самойловский они создадут опорную сеть исследований в Арктике.

«Налётом в Арктике много не сделаешь», — убежден ак. Н.Л. Добрецов. — Нужна сеть таких станций, на которых люди могут жить и работать длительное время, проводя мониторинг климата, криолитозоны, льдов. Например, установлено, что тяжёлые паковые льды до 2007 года уменьшались из-за потепления климата, а потом лёд начал снова расти, потому что зимы стали более холодными. Стало очевидно, что концепция о глобальном потеплении оказалась легендой. В ближайшее столетие колебания будут продолжаться — то похолодание, то потепление, лёд в Арктике будет то нарастать, то уменьшаться, криолитозона будет местами разрушаться, местами, наоборот, увеличиваться. А к концу столетия начнется общее похолодание, а не потепление. Таков современный прогноз, но чтобы знать точно, нужна сеть станций в Арктике. Арктика — это не только кухня погоды, но самое уязвимое место, которое в результате потеп-

ления либо похолодания будет страдать больше всего».

В середине мая в Новосибирске будут окончательно сформированы контуры российско-германской программы по арктическим исследованиям. В Германии есть проект строительства ледокола, вернее, судна ледокольного типа для бурения в арктических морях. В конце года уже будут проведены судовые испытания, в следующем году начнутся работы. С этого судна можно бурить десятки 500-метровых скважин в год. Немцы приглашают российскую сторону принять участие в проекте, но для этого необходимо межправительственное соглашение и вклад в строительство судна. У России имеется мощный ледокольный флот, в том числе атомный, но кораблей для бурения пока нет и в ближайшее время не ожидается, поэтому надо попытаться принять участие в этой международной программе.

Арктика — это не только нефть и газ, напомнил академик А.Э. Конторович, координатор программы Отделения наук о Земле РАН «Геологическое строение и нефтегазоносность Арктики (территории и акватории)». Освоение Арктики началось с освоения месторождений Кольского полуострова. Норильский медно-никелевый, а теперь и платиновый комплекс, который был создан ещё до Великой Отечественной вой-

нято решение о более полной утилизации попутного газа, по оценкам учёных института, только в Ямало-Ненецком автономном округе этана будет добываться в два-три раза больше, чем в США. И вот альтернатива — или по нашим российским привычкам его будут сжигать, или будет создана уникальная сырьевая база для нефтехимии. В институте подготовлена специальная программа по решению этой проблемы, она уже озвучена в Министерстве энергетики и на целом ряде крупных форумов и в ближайшее время будет передана в правительство.

Кроме того, поскольку всё сырьё на Ямале переработать будет невозможно, есть предложение о создании системы продуктопроводов, по которым бы излишки перегонялись в Татарстан и на Северо-Запад России. «Можно будет сформировать три мощных кластера на базе жирного арктического газа Ямала. Это уникальное решение и самая настоящая инновация — перевод на новое для нашей нефтехимической промышленности сырьё, создание новых технологий. Эти инновации потребуют больших инвестиций, а наши олигархи не очень любят заниматься инвестициями. Но строить продуктопроводы необходимо, ведь это мощное плечо будущего российской экономики, и это мы пытаемся обосновать», — сказал А.Э. Конторович.

Второй район, где традиционно работает институт — это север Красноярского края. Уже в ближайшие годы Ванкорское месторождение будет давать до 25 млн тонн, а весь район в целом — до 40 млн тонн нефти. Это будет один из крупнейших нефтедобывающих районов России. Между Енисеем и Хатангой, в так называемом Енисей-Хатангском региональном прогибе также открыты газовые месторождения, дан прогноз на открытие нефтяных месторождений. Дальше на Восток, на границе Красноярского края и Якутии, на побережье Северного Ледовитого океана находится Анабаро-Хатангский район. Только что закончен анализ данных по этому району.

К востоку, на берегу моря Лаптевых, находится Лено-Анабарский прогиб. Вместе с Роснефтью сотрудники института обработали и проанализировали весь лежавший в архивах геофизический и сейсмический материал по этой территории и обнаружили три совершенно самостоятельных мощных нефтегазовых района, в которых надо разрабатывать геолого-разведочные работы.

«Сибирское отделение в пределах своего бюджета достаточно щедро помогает институту для работы в Арктике», — отметил Алексей Эмильевич. — Часть средств институт получает от хозгосзаказов деятельности, работая с крупнейшими российскими и зарубежными нефтегазовыми компаниями. Благодаря этим средствам выполняется огромный объём фундаментальных и региональных работ по нефтегазоносности Арктики».

«Зачем идти в Арктику? Есть и такие мнения — нужно идти не в Арктику, а на большие глубины. Это ошибочные мнения», — сказал в завершение А.Э. Конторович, — Надо идти и на большие глубины, и в Арктику, ничего забывать нельзя. Наши оценки показывают, что добыча нефти в мире достигнет максимума в 30—40 годы этого столетия. Если сейчас начать активно работать в Арктике, то через 20 лет только и будут обеспечены такие запасы, которые могут поддерживать добычу на мировом уровне. Для того, чтобы удерживать добычу на уровне в мире в целом, для того, чтобы обеспечить роль России как стабилизатора мировых энергетических трендов, мы не можем не идти в Арктику. Это и наш внутренний вопрос, и наши обязательства перед всем человечеством, которые Россия на себя взяла. Поэтому всякие разговоры о том, что можно и подождать, можно не торопиться — это разговоры на уровне обывателей. Мы их всерьёз не принимаем».

В. Михайлова, «НВС»

На снимке: — исследовательская станция на острове Самойловском в устье Лены.